

Шелест страниц

Чтобы избежать длинной очереди, Капа приезжала за полчаса до открытия библиотеки и терпеливо ждала у входа.

Капа зачастила сюда после выпускных экзаменов. Хлопотливое и тревожное время года! Справочник «Высшие учебные заведения Ленинграда» нарасхват, а на Невском, против Казанского собора, не укорачивается очередь вчерашних школьников в подвальчик «Фото для документов» – сегодня снято, завтра готово...

Сдержанный кашель; приглушенные шаги; шуршание карандашей и ручек; шелест перевертываемых страниц; осторожный скрип отодвигаемого кресла на резиновых набойках.

Вдумчивая тишина рождена не только уважением к сотням читателей, но еще в большей степени – близким соседством с сокровищницей знаний. Только подумать: не выходя из зала, можно узнать все о Родине – о ее языке, героях, реках, песнях, цветах.

Наступает день, – третий? пятый? – когда не поздороваться с постоянными соседями, не заговорить уже невежливо. День-деньской сидят рядом, а вечером на их книги и тетради падает свет одной люстры.

Напротив Капы человек средних лет, длинноволосый, в вельветовом пиджаке, похожий на поэта, обложился трудами по математике. Молоденькая модница в брючках, хотя и бегаёт в курительную, занимается серьезно, свободно читает книги на трех языках; Капа уже знает, она – будущий экономист. Перед тем, как усесться за книги, пожилой археолог перепробовал несколько кресел – не развинтилось ли, не скрипит ли? Кажется, он пишет о гробницах Древнего Египта и почему-то общие залы предпочитает научным – тем, что в главном здании, на Невском. В коричневом костюме, рыжеволосый, даже смешно, до какой степени человек может быть похож на таракана! Сходство усиливали рыжие усы, тем более что гробокопатель часто шевелил ими. За их столом сидит высоченный парень. Он не носит спортивной фуфайки, свитера, но по выправке, по мускулатуре видно – спортсмен; учится в аспирантуре института Лесгафта, мастер по баскетболу, у него первый разряд по прыжкам в высоту.

Каждый занят своей темой, и только Капа мечется от предмета к предмету. Она до сих пор не решила, в какой институт держать экзамены. Дни идут за днями, она усердно занимается, но пора уже сосредоточиться на предметах обязательных и быстрее позабыть все, что не будет иметь отношения к экзаменам.

До того как Капа начала заниматься в библиотеке на Фонтанке, она наивно думала – книги посоветуют лучше, чем школьные подружки, которые сами на перепутье. Сколько несчастливцев ошибаются при поступлении входной дверью! Вот у них в поселке живет вечная студентка Виола, так она за

шесть лет сменила пединститут имени Герцена, строительный и наконец подалась в фармацевтический. Даже самая практичная из подружек, толстуха по кличке Шкилет, не бралась советовать, сама пребывает в неведении. Капа не одобряет и Зойку, бывшую соседку по парте, которая решила – все равно куда, лишь бы меньше конкурс. Зойка согласна учиться и на санитарного врача, и на младшего нотариуса.

Для Капы было что-то привлекательное в профессии учительницы; об учителях в газетах пишут много теплых слов, особенно о старых учителях, к которым приезжают в гости их бывшие ученики – доктора наук, Герои Социалистического Труда, знаменитые артисты. Но вот когда перестанут заниматься в две смены, чтобы не было такой скученности? Поубавится учеников в классе – учительнице легче будет. Капе нравилось, что в Германской Демократической Республике дети с третьего класса в обязательном порядке учатся плавать в бассейне, а немецкому учителю выдают диплом лишь после того, как он сдал экзамен по спасанию утопающих детей...

В ее аттестате зрелости, где на гербовой бумаге отпечатано «При отличном поведении обнаружила следующие знания...», по химии пятерка. А потом как-то к химии остыла, разочаровалась, что ли... Дуреха, ну как можно разочароваться в таблице Менделеева?! Капа невзлюбила химию за то, что с ее помощью заодно с мошкаррой и комарами потравили и лесных зверей. И рыбадохнет в реках от этой большой химии; и порошок, которым некоторые моют посуду, оказывается, зловредный; а другой порошок выедает дырки в белье...

– Пойдем за компанию на химический, – уговаривал ее Митя, парнишка из их класса, сейчас они встречаются в библиотеке. – Ты же мне всегда химию подсказывала!

Капа отрицательно покачала головой:

– Идти в химики только ради дружбы?

– Ради дружбы и монах женился!

– Так то был монах, – засмеялась Капа, – а я монашка...

Капа нравилась нескольким парням из их школы. У Валерки юношеский разряд по боксу, а, встречая в поселке Капу, краснел, заикался и терялся так, будто его прижали к канатам или он только что побывал в нокдауне.

Однажды заболела математичка, урок был пустой, и кому-то взбрело в голову устроить «показ мод». Девушки в платьях, укороченных на живую нитку, дефилировали мимо доски и вокруг учительского стола, подражая заправским манекенщицам. Ходить полагалось заемной походкой – покачивая бедрами, манерно повертываясь и как можно более загадочно и призывно улыбаясь. Жюри из четырех ребят и Шкилета, которая, естественно, в соревнованиях не участвовала, присудило Капе первое место – «Мисс Тосно – 72». Она тоже плыла пружинящей походкой, но не вихляла бедрами и не стреляла глазами, улыбалась сдержанно, с милой естественностью. А некоторые ни на минуту не забывают, что у них красивые зубы, и улыбаются, широко раскрывая рот.

Весной, когда Капа сняла выдавшее виды демисезонное пальто, она слышала по своему адресу реплики встречных ребят: «Гляди, какая стройняшка прошла!», «Фигуристый кадр!». Митя даже пытался ухаживать за ней, недотрогой.

Зойка подсмеивалась над ней, называла старомодной мещанкой, твердила об ограниченности, но Капа не менялась. Видимо, и сама возможность уяснить для себя свою ограниченность – тоже ограничена...

Чем больше Капа сидела в читалке, тем менее отчетливо представляла себе будущую жизнь. А кому, собственно, нужна ее жизнь – ее сомнения, ее обида, ее тревога, ее девичьи мечты?

Вместилище человеческой мудрости – все эти тысячи книжных шкафов не облегчили, а только затруднили положение Капы. В читальне их поселка было меньше соблазнов, не так разбегались глаза. А тут вдруг она увидела медицинскую энциклопедию и просидела возле нее до обеденного перерыва, потом увлеклась атласом мира, потом долго листала затрепанную энциклопедию Брокгауза и Ефрона; совсем не такую энциклопедию видела Капа однажды в кабинете отца школьной подруги – новехонькую, отгороженную зеркальным стеклом шкафа от повседневной справочной суеты.

В библиографическом отделе, среди всех этих каталогов, справочников, Капу застала Саввишна, уборщица читального зала. Наверно, потому Капа так быстро и коротко познакомилась с Саввишной, что входила в читальный зал одной из первых и уходила, когда верещал звонок, гасли люстры.

Саввишна похвалила Капу – не бегают от книжек:

– А то развелись вертихвостки! Попусту церемонят свое время, читают обрывками, курортничают в буфете, пересмешничают в курительной. Все у них идет мимо головы, только пережмуриваются с космачами. В зеркальце заглядывают чаще, чем в учебники.

Она притворялась строгой, но Капу называла внучкой, а та в свою очередь почувствовала к Саввишне расположение. Капа уже дважды оставалась после закрытия филиала и помогала Саввишне убирать читальный зал, а один раз даже ходила с Саввишной на Невский, в главное здание Публички, чтобы помочь.

По словам Саввишны, всамделишные чернила давно вышли из моды, молодежь пользуется шариками в ручках. А до войны читатели Публички каждый день наказывали дирекцию на полную четверть фиолетовых чернил – вот сколько исписывали, расходовали на кляксы шестьсот посетителей зала!

Когда дела позволяли, Саввишна не спеша чаевничала, она не раз встречалась с Капой в буфете. Сегодня Саввишна неожиданно пододвинула пирожки с капустой. Она обратила внимание на весьма скудный обед Капы, хотя вовсе не относилась к категории старушенций, которые только и ждут – с кем бы и чем бы поделиться.

Капа с аппетитом ела пирожки, а Саввишна тем временем жаловалась на здоровье.

– Во всем виновата старость, – сказала Саввишна покорно. – Я ведь женщина давнишняя, можно сказать, престарелая. Два зуба остались, да и те для зубной-боли...

В библиотеке Саввишна с времен нэпа, а поступила после того, как ее обидели какие-то торгошники, жила у них в прислугах. Тогда она и получила комнату в полуподвале, в узком переулке рядышком с Публичной библиотекой. Сперва работала в гардеробе – в номерах разбиралась лучше, чем в буквах. Позже ее перевели в читальный зал, и лет двадцать ее руки не отмывались от чернил. Каждую чернильницу нужно вымыть, а переполнишь скляночку – у читателей в тетрадках прибавится клякс.

Ну а потом открыли филиал Публичной библиотеки, и Саввишну перевели сюда, на Фонтанку...

Саввишна ушла, а Капа неторопливо доела пирожок, допила чай – до самого вечера она в буфет уже не наведается – и размышляла: может быть, нигде так отчетливо не проступает материальное неравенство, как здесь, в буфете библиотеки, читатели которой равноправны только в одном – в праве на знания.

Перекормленная девица – на руке кольцо с бриллиантом, от нее исходит терпкий запах арабских духов – взяла к чаю два пирожных, бутерброд с кетой и плитку шоколада «Золотой ярлык». Две подружки, болтушки-хохотушки долго примерялись, что купить: по бутерброду с полтавской колбасой и пирожное «эклер» на двоих или каждой по миндальному коржику и по конфете «Лакомка». А рядом студент, – будущий студент? – у которого нет денег на бутерброды. Он налил из чайника кипяток и пьет, закусывая булкой.

Если заниматься день напролет, сам бог велит заглянуть в буфет три раза. Но у Капы на трехразовое питание не всегда хватало; если дома забывали дать деньги, она не просила.

Не только усердные занятия перед экзаменами заставляли Капу приходиться в читальный зал спозаранку, а уходить самой последней.

С некоторых пор Капе стало в жизни неудобно. Она охотно захлопывала за собой дверь дома, почти бегом бежала на станцию – билет сезонный – и уезжала в Ленинград такой ранней электричкой, что вполне могла сойти за фабричную девчонку, работающую в первую смену.

А после занятий в библиотеке она находила поводы задержаться в городе, чтобы приехать поздно-поздно вечером. Изредка помогал кинотеатр – если удавалось выкроить на билет, а фильм крутили двухсерийный.

Мать вскоре после смерти отца заново устроила свою личную жизнь и убрала из спальни отцовскую фотографию.

Если бы тот, кто все чаще появлялся в их двух комнатах и оставался все дольше, был человеком достойным, Капе легче было бы примириться с ним. А своим выбором мать оскорбила память отца. Капа ловила себя на том,

что все время сравнивает его с отцом; сравнение было не в пользу сожителя матери, и неприязнь к нему росла. Он и матюгнется – не покраснеет. Теперь в доме не услышишь «спасибо», «пожалуйста», «извините».

Мать чувствовала отчуждение дочери. Не хватило у нее духу вовремя рассказать Капе все, что следовало, еще до того, как решилась на этот шаг. Пусть мать хоть бы сделала вид, что прислушивается к мнению дочери! Но бывает, что нежные слова, не сказанные вовремя, становятся жестокими – и тогда лучше их не произносить вовсе.

Теперь Капа жила дома втихомолку, громко не смеялась. Недавно мать сказала своему сожителю о дочери:

– Это у нее характер такой: нашла – молчит, потеряла – тоже молчит...

Тот, кого язык не поворачивался называть отчимом, работал в их поселке техником телефонного узла. Изредка он получал мзду за установку, в нарушение очереди, квартирного телефона. Капа знала об этом по выпивкам, да от нее и не находили нужным ничего скрывать. Мать тоже приохотилась к рюмке.

Теперь Капе выдавалась на неделю почти узаконенная пятирублевая бумажка. Ей казалось, пятерка не из тех денег, какие мать принесла в получку, а из тех, какими оплачен телефонный калым.

Накрывая на стол, Капа спросила недавно:

– Разве обязательно каждый раз пить водку?

– А сейчас только сова не выпивает, – засмеялся он раскатисто. – Днем сова спит, а ночью магазины закрыты.

Лицо у него добродушное, он любит пошутить и всегда первый смеется своим шуткам, но это показное добродушие мелочного и злопамятного человека.

Он сбивал черным ногтем пепел от папирос в цветочные горшки. Капа просила этого не делать, ходила за ним с пепельницей.

– Это же зола! Цветы удобрения любят, – он опять громко смеялся.

Дом пропитался каким-то новым запахом; даже половицы провоняли табаком и еще чем-то нечистым.

Недавно он чинил антенну телевизора и сбил с шеста скворечню, которую когда-то отец прикрепил к антенне. Правда, была ранняя весна, скворечник пустовал. Ну а если прошлогодние квартиранты прилетят?.. Отец никогда не выбросил бы скворечник и, если он мешал, укрепил бы его на соседней березе. Был случай, Капа ходила тогда в пятый класс и получала выписанную отцом «Пионерскую правду», синички свили гнездо в ящике для писем и газет и вывели там птенцов. Отец не разрешил трогать гнездо, сколотил из фанеры другой почтовый ящик и повесил на заборе, в стороне от калитки. Почтальонша тоже приносила синичкам крошки хлеба...

Когда отец заболел, мать поступила кассиршей в сберкассау напротив универмага. Очень ответственная работа! Не то что в аптеке, в булочной или магазине канцелярских принадлежностей. Там у кассы околачивается копе-

ечная мелюзга, под руками кассирши весь день бренчит поток мелочи, заполняющей доверху соты деревянного ящика.

Раньше Капа этого не замечала – мать стала завидовать счастливым, которые предъявляют облигации с выигрышами. Дома шли бесконечные разговоры на эту тему. Матери казалось – все играют в беспроигрышную лотерею, все, все – удачники, кроме нее. Мать забывала, что к ней приходят только те, кому повезло.

Раздраженная чужими выигрышами, мать стала покупать перед тиражами облигации трехпроцентного займа, переплачивала на курсе, который перед тиражом повышается, ничего не выигрывала и еще больше злобилась.

А летом мать срывала раздражение на дачниках, была с ними менее вежлива, чем с постоянными вкладчиками. Приехали, развели тут очереди за молоком, за хлебом, за картошкой. И на почте устроили толкучку, и в сберкассе.

– Ты же едешь в Ленинград за покупками, заходишь, когда тебе нужно, в Пассаж, в Гостиный Двор, – вразумляла ее Капа. – А если там начнут ругать нас, приезжих?

Капа мечтала поступить в такой институт, где есть общежитие, оно предоставляется только иногородним. Впервые Капа могла оказаться в выигрыше оттого, что живет не в Ленинграде, а в области!

Дежурная по читальному залу Юлия Ивановна давно обратила внимание на молоденькую читательницу из Тосно. Та бесшумно носила ситцевое пестрое платье, а однообразие своей одежды возмещала тем, что меняла прическу. То причесывалась на прямой пробор, вплетая сзади косички одна в другую. Волосы то были зачесаны со лба и затылка кверху в тугий пучок, открывая нежные линии шеи, висков, ушей, то были собраны в пышный конский хвост, то прямо падали на плечи.

Юлия Ивановна с удовольствием поглядывала на аккуратную скромницу и вспоминала, как сама в молодости тщательно причесывалась каждое блокадное утро – она называла это моральной гимнастикой.

Кто же эта серьезная, но выглядевшая слегка растерянной девушка? Юлия Ивановна заглянула в читательскую карточку – Капитолина Павловна Копылова, год рождения 1954-й.

А может, повышенное внимание Юлии Ивановны к этой Копыловой объяснилось другим? Та слегка и симпатично картавила, совсем как Тришка, дочь Юлии Ивановны. И такие же у Копыловой темно-русые с рыжеватинкой волосы, так же горделиво держит голову, такие же темные брови и ресницы при серо-голубых глазах.

Капа с первых дней тоже почувствовала симпатию к дежурной по залу, седой, большеглазой, по-мужски подстриженной. У нее всегда дружелюбный взгляд, как бы ни была занята.

Капа несколько раз заговаривала с Юлией Ивановной, но всегда урывками, когда подходила очередь получить или сдать книги. В ее вопросах слышалась не дежурная вежливость, а живой интерес к работе библиотеки, и

Юлии Ивановне захотелось показать вчерашней школьнице Публичную библиотеку, в которой проработала свыше тридцати лет. Здесь, в филиале на Фонтанке, Юлия Ивановна временно: заменяет сотрудницу, ушедшую в отпуск. Она заготовила для Копыловой К. П. пропуск в главное здание Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина и попросила Саввишну, которая собиралась туда за зарплатой, показать Капе все самое интересное.

Перед тем как войти в парадный подъезд, Капа постояла у стены, вчитываясь в бронзовую доску:

«Здание построено в конце XVIII века. Состоит под государственной охраной, как памятник архитектуры».

Объяснения Саввишны представляли смесь сведений, каких она слышалась за много лет у экскурсоводов.

С благоговением взирала Капа на древнейший памятник русской письменности – Остромирово евангелие, начертанное неизвестным писцом в 1056–1057 годах. Летопись 1377 года, лежащая рядом с евангелием, не показалась Капе такой уж древней. Но тут же она посмеялась над собой: «Ну и дуреха! Не древняя летопись... Еще не кончилось татарское иго!» Капа и не предполагала, что все так интересно. Указы Петра Великого, письма Екатерины Второй, ноты Глинки, стихотворения Пушкина, Лермонтова, черновики Гоголя...

Саввишна вела Капу длинными коридорами, где стен не видно за стеллажами и оттого коридоры еще более узки. Проходили мимо бесконечных шкафов, стоявших застекленными шеренгами, побывали во всех закоулках библиотеки.

Время от времени Саввишна произносила явно с чужих слов:

– А в этом зале собраны...

Рассказ о богатствах библиотеки причудливо перемежался воспоминаниями фронтовой поры:

– Тут такой холод был – только сибирских волков морозить. Нам выключили свет двадцать шестого января в сорок втором... Юлия Ивановна обходила полки с лучиной, искала книги. А книги стояли в инее, пока перетрогаешь – руки обморозишь. Спроси Юлию Ивановну, внучка, сама расскажет... Мне из читального зала отставку дали. Чернила вымерзли, гардероб закрылся. Книгу мне с моей неграмотой не найти, книга – что капля в море, зеринка в мешке. Определили санитаркой в стационар для дистрофиков. А потом я за воду ответственная была, без воды бедовали. Знаешь, где самая близкая вода лилась? Первый кран – на Садовой, во дворе дома, где кинотеатр «Молодежный». А еще водоразборная будка на Невском была, у Пассажа... Ну, да ведь зажигалки водой не заливали, их полагалось песком тушить. Разгрузили трамвайные платформы, весь тротуар возле библиотеки песком засыпали. А песок мы подымали ведрами вручную, без малого месяц. Крыша за солнечный день раскалится, духотища, девки все с себя поскидают. В одних трусах, лифчиках и защитных очках возили по чердакам тачки с песком. А тут полу-

чили приказ мазать стропила на чердаке каким-то огнестойким раствором. Девки береглись как умели, но окаянная известь все равно жгла кожу...

Назавтра после экскурсии Капа провожала Юлию Ивановну домой. Все расспрашивала о Публичной библиотеке в годы блокады, и Юлия Ивановна не скупилась на подробности.

Сотрудники библиотеки заколачивали ящики с самыми ценными рукописями и старинными книгами. Библиотека Вольтера, манускрипты, инкунабулы, летописи... Юля, как многие другие, много часов не выпускала молотка из рук. Пальцы в синяках, ссадинах, кровоподтеках, ногти почернели от неловких ударов. Кто-то повесил на стену плакат: «Каждый гвоздь – гвоздь в голову Гитлера». Стучали молотками, а разговаривали по привычке шепотом, как их приучил к тому читальный зал.

Эвакуировать книги едва успели, ушел последний поезд из Ленинграда, все чаще стало звучать слово «блокада», начались жестокие бомбежки. На всю жизнь запомнила Юлия Ивановна вечер 8 сентября. Она видела с чердака, сквозь слуховое окно, как зажигалки падали на мостовую и тротуары Невского, на дома четной стороны проспекта, в Сад отдыха, на Дворец пионеров. Наутро она шла этими же улицами, по которым сейчас шагает с Капой, а под ногами чернел пепел, валялись стабилизаторы от зажигательных бомб, хрустело стекло...

Отзвуки войны все отчетливее слышались в заявках читателей на книги. Разве можно было вообразить, что требования станут так разнохарактерны, что в читательских запросах с такой точностью отразится наше военное положение и весь ход боевых действий?

В один из первых дней войны срочно понадобился портрет Гитлера: поскорее переснять его, размножить и наклеить на мишени стрельбища; заказ пришел из Осоавиахима.

Какие требования поступили позднее? На какие вопросы читатели хотели получить ответы? Что читателей интересовало больше всего?

Дикорастущие съедобные растения.

Тактика партизан в 1812 году.

Подземный госпиталь.

О воинской чести.

Технология изготовления пороха.

Разведение шампиньонов.

Средства против обморожения.

Применение дымовых завес.

Награждение Петрограда орденом Красного Знамени в 1919 году.

Гидрология Ладожского озера.

План и путеводитель по Петергофу.

Зарядка аккумуляторов.

Цинга и борьба с ней.

Кустарное производство спичек.

Зимняя смазка оружия.

Однажды январским вечером пришел молодой человек в командирской шинели. В читальном зале дежурила Юля – пункт неотложной библиотечной помощи. Командиру требовался план города Пскова. Зачем ему нужен план, приезжий не объяснил, да Юля и не спрашивала.

Она вспомнила, что незадолго до войны библиотека приобрела у одного частного лица богатую коллекцию «Города России». Вдвоем с Саввишной, светя фонарем «летучая мышь», отправились в длинное путешествие по промерзшим книгохранилищам. Все-таки удалось выискать в промозглых катакомбах нужную папку.

Прощаясь с Юлей, молодой человек проговорился – только что из госпиталя, после контузии. Впрочем, насчет госпиталя он мог и не упоминать – такой острый запах карболки исходил от него. Время от времени он покачивал головой, словно безмолвно поддакивал или сокрушался о чем-то, ведомом ему одному. Достаточно было взглянуть на его непокрытую голову, чтобы понять – его остригли в госпитале под машинку, а с тех пор ножницы не касались волос.

После лютых февральских морозов в библиотеке снова появился молодой человек, для которого они с таким трудом нашли план Пскова.

Большой читальный зал на втором этаже обледенел и стал необитаем, а немногочисленные читатели ютились в рукописном отделе, куда перевели научный зал, или в отделе редкой книги, куда направляли всех других читателей.

Отдел редкой книги издавна назывался «кабинетом Фауста» – небольшой зал с двумя окнами; готические своды и потолок разрисованы в средневековом стиле; посреди зала – могучий четырехколонник; дубовые стеллажи; старинные пюпитры; в углу – древний глобус; на полке – песочные часы; кресла с высокими резными спинками; окна в мелкую косую решетку с витражами; широкая одностворчатая дверь на скобах, окованная железом. Полагалось бы еще повесить чугунные фонари, но так ли важно, какие фонари висят над головой, если света все равно нет?

Он поздоровался с Юлей, как добрый знакомый, и спросил:

– Чем вызвано ваше переселение в средние века? Не боитесь состариться?

– Лучше состариться, чем стать молодой покойницей.

Юля объяснила, что на первом этаже под такими сводами безопаснее, уцелели витражи в обоих окнах – можете полюбоваться цветными стеклами. А в большом зале давно гуляет морозный сквозняк. Кроме того, все редкие книги из этого кабинета вывезены, и на пустых стеллажах удобно разложить каталоги.

– Скажите, Маргарита, почему этот зал называли «кабинетом Фауста»?

– Сама не знаю.

– А давно?

– Во всяком случае, до того, как вы последний раз брились. Вы похожи на доктора Фауста до омоложения.

Он провел рукой по небритым щекам, покачал головой, делая себе безмолвный выговор, и с удовольствием рассмеялся.

Когда молодой человек сдал заявку на книги, Юле стало ясно, что он имеет отношение к партизанам. Вот только том рассказов Чехова был заказан вне тематики.

Он прибыл из-под Гдова, побывал и в Дедовичах. Партизаны снарядили для ленинградцев обоз с продовольствием – зерно, крупы, жиры. Не так было просто доставить обоз в 223 подводы от деревни Нивки до станции Черный Двор. Обоз сопровождала делегация в двадцать два человека, а он при делегации – двадцать третий.

Юля поймала себя на том, что весь день наблюдает за смешливым читателем. Он сидел и потирал стриженую голову, тер ухо, разглаживал несуществующие морщины на лбу, часто выходил курить махорку, а Юля каждый раз пугалась – уходит совсем?

Он первым заговорил на темы, не относящиеся к каталогу и заявкам на книги. Наклонился к ней и доверительно сказал, что план Пскова понадобился штурману эскадрильи бомбардировщиков «Петляков-2». Нужно было уточнить ориентиры для бомбежки штаба немецкого корпуса, чьи координаты сообщили партизаны.

Перед закрытием зала он попросил:

– Эти вот книги оставьте за мной, а те можно сдать...

«Оставляет книги, – значит, не уезжает».

Назавтра читатель Вадим Михайлович Дмитриев, 1915 года рождения, военный служащий, не пришел. Юля то и дело поглядывала на стол, за которым он сидел вчера, а стопка книг лежала невостребованная.

Весь день Юля сиротливо ждала его заодно с книгами. Несколько раз она принималась не спеша перелистывать заказанные им книги.

Ему нужно было знать: как смазывать лыжи в мороз и в оттепель, как накладывать самодельные шины при переломах конечностей, как ходить по азимуту, как разжигать бездымный костер, как отеплять стоянку лошадей под открытым небом, как обезвреживать немецкие противотанковые мины, чем протирать оптические прицелы, чтобы их не ослепляла изморозь, и чем разжижать загустевшее на морозе оружейное масло.

Когда через несколько дней он появился, Юля почувствовала его присутствие прежде, чем увидела, – такое у нее началось сердцебиение. Весь день ей работалось радостно и не пошатывало от голода, будто сегодня она плотно позавтракала. На ней был ватник, крест-накрест повязанный темным старушечьим платком, стоптанные валенки и ушанка, из-под которой виднелись темно-русые волосы – то ли непослушно выбились, то ли нарочно выпущены...

На следующее утро она поднялась из подвала, где жила на казарменном положении, празднично настроенная, хотя ночью несколько раз объяв-

ляли воздушную тревогу и группа самозащиты карабкалась на чердак, ползала по крыше. Вся ночь из обрывков, освещенных заревом и орудийными зарницами.

Днем Вадим несколько раз подходил в «кабинете Фауста» к столу, за которым Юля выдавала книги. Они подолгу говорили вполголоса о разных разностях.

Юле нужно было принести книги, и Вадим вызвался ей помочь. Они побежали по гулкому коридору к лестнице, пытаясь согреться. Вадим легко взбежал на площадку, оглянулся и увидел, что Юля медленно, с трудом поднимается по ступенькам. Он торопливо спустился и взял ее под руку.

От смущения Юля зачем-то заговорила о несметных богатствах их библиотеки, сказала, что до войны эти богатства с каждым днем приумножались – каждый день новые книги, новые ноты, новые журналы.

– А много ли шедевров получили вы за последние годы? – спросил Вадим с явным желанием ее поддразнить. – Боюсь, мало... Какими новыми страстями, переживаниями обогатились мы в сравнении, предположим, с человеком древней Эллады или эпохи Возрождения? – Вадим улыбнулся и подмигнул мраморному Аристотелю, установленному неподалеку; голова его вполоборота повернута налево, смотрит на него и Юлю. Шея и грудь оголены совсем не по сезону и не по обстановке, поскольку паровое отопление не работает. На левом плече висит туника в складках, видна правая ключица. Волосы закрывают лоб густой челкой, губы плотно сжаты, Аристотель глубоко погружен в мысль. – Встретился ли вам, Юля, хоть один читатель мудрее Аристотеля? Или вот ноты присылали из Музгиза. А была ли там вторая «Лунная соната»?

– «Лунная»... Мы, ленинградцы, должны ее особенно ценить.

– Разве наша эра знала двух Бетховенов? И что такое, в сущности говоря, наша эра? Тридцать человек – один после другого – прожили бы подряд каждый по 65 лет – вот и вся эра от рождества Христова... Только войны такой, как сейчас, наша планета не видела...

Вечером того же дня Вадим уезжал в энском направлении, туда, где, по его выражению, звучат громоподобные «сказки энского леса»...

Сдавая недочитанные книги, он попросил Юлю: – Жаль, не успел дочитать Антон Палыча. Сделайте такое одолжение – дочитайте вместо меня. Вот с этого места. – Он вложил заставку в книгу. – Вернусь, расскажете...

На прощанье он взял ее иззябшие, жесткие, покрасневшие руки в свои, тоже холодные, долго дышал на них, затем поцеловал, круто повернулся и ушел, унося на лице летучую улыбку.

«Твоим дыханьем надыхаться!...»

В те мгновения, когда он дышал на ее руки, в ссадинах и мозолях, и согревал сердце сильнее, чем руки, до нее дошел скрытый смысл строки, которая, быть может, больше века жила в какой-то книжной кладовой их библиотеки, на какой-то полке, в сборнике какого-то русского поэта, чью фамилию она, к стыду своему, позабыла...

Уже поздней осенью того года Юлю нашел красноармеец, по всему виду, из команды выздоравливающих, и принес записку. Вадим лежит в госпитале, в бывшем доме отдыха на Каменном острове.

Она отправилась туда пешком: трамвай № 12 в тот день почему-то не ходил. Шла через площадь, через мосты и совсем окоченела. Снег еще не выпал, но мокрый ветер нес дыхание близкой зимы.

Опавшая листва мертво шуршала под ногами. Липы в пустынном парке оголились, их стволы и ветви стали угольно-черными от дождей. В это время года трудно отличить живые иззябшие деревья от обугленных, убитых войной.

Несколько раз начинался артиллерийский обстрел. Радиодиктор каждый раз приказывал населению укрыться, но Юля не останавливалась. Ей нужно добраться до госпиталя засветло, а в начале ноября темнеет ох как рано. «Населению укрыться!» А куда, собственно говоря, могло укрыться население в Юлином лице, когда один налет застал ее на Республиканском мосту, другой – на мосту Строителей?

Она принесла раненому лейтенанту Вадиму Дмитриеву гостинец – котлеты из картофельной шелухи, жаренные на льняном масле, и кисель из сушеной малины.

Старая контузия Вадима бесследно прошла, а новое ранение не из тяжелых: из лопатки вынули осколок.

Вадим смеялся:

– Я теперь, слава аллаху, еще на шестьдесят грамм легче.

Юля не забыла сказать, что том Чехова тогда дочитала до конца, а заодно прочла и те рассказы, какие он успел прочесть. Ей хотелось проникнуться мыслями и чувствами, какие, наверное, вызвал у Вадима «Рассказ неизвестного человека». Раньше ей и в голову не приходило, что Степан – мнимый лакей и что в доме барина Орлова под ливреей скрывался революционер.

– Жаль, наш партизан не пристроился в дом к самому генералу Кюхлеру, – вздохнул Вадим. – Мину можно и под телогрейкой спрятать. Не хуже, чем под ливреей...

Юля еще дважды навещала в госпиталь, приносила нужные Вадиму книги. Он сидел на госпитальной койке в ушанке, закутанный в дерюжное одеяло, накрытый поверх еще шинелью.

...

Стараясь не тревожить забинтованное плечо, он делал выписки, расчеты, чертил схемы, относящиеся к строительству лесных дорог; когда-то эти инструкции и схемы были разработаны в помощь карельским лесорубам, бригадирам, техникам леспромхозов.

В марте сорок третьего года Юля вновь увидела Вадима.

С важностью, которая никак не уживалась с его сияющими глазами, он неторопливо достал свой читательский билет, показал Юле и спросил:

– Ничего, что просрочен?

– Придется вам продлить, – сказала Юля строго, но голос ее осекся от радости.

За минувшие месяцы читальный зал перекочевал из «кабинета Фауста» в рукописный отдел, оттуда поднялся на третий этаж и втиснулся в одну из комнат дирекции. Теперь читатели входили с Садовой улицы в служебный подъезд. На третьем этаже, конечно, опаснее, но здесь установили печки.

Дрова ночью привозили на трамвае с Охты. Библиотеке выделили там два необитаемых деревянных дома: дом № 13, по Оградской улице и дом № 1-а по Большой Пороховской. Юля тоже ходила на Охту, разбирала дома, грузила на трамвайные платформы бревна и доски, а потом разгружала.

Едва взглянув на Вадима, Юля поняла – приехал прямо с фронта. При нем трофейный автомат, за плечом – тощий вещевой мешок, а на боку – новенькая полевая сумка, тоже трофейная, туго набитая бумагами.

Вадим привез в дар библиотеке пачку немецких объявлений-запретов, объявлений-угроз, объявлений-посулов, объявлений-приговоров. Эти листовки расклеивали в оккупированных районах на немецком и русском языках. В Луге фашисты повесили объявление: тому, кто поймает партизана Лужского района Михаила Романова, будет выдано шесть коров или шесть гектаров земли, 10 пачек махорки и 10 литров водки. Раздобыл Вадим и немецкую листовку, сброшенную в Партизанский край 6 ноября 1942 года. Фашисты угрожали новыми бомбежками «в ознаменование годовщины Октябрьской революции». Вадим и Юля передали листовки старшему библиотекарю Ольге Павловне Захарьиной – та принимала и сортировала печатные издания, которые скудно, с перебоями, поступали в библиотеку, как делала это четверть века подряд. Ольга Павловна отказалась эвакуироваться и в свои 72 года не оставила библиотеку. Вадим был по-мальчишески горд и счастлив тем, что его горячо поблагодарила Ольга Павловна, внучка Герцена.

Несколько дней Вадим усердно делал выписки, а Юля частенько поглядывала в его сторону. У него появилась привычка накручивать волосы на палец, а отсутствующие морщины на лбу разглаживал, как и в прошлом году. В те дни Юля работала охотно, даже когда ей полагалось отдыхать после ночных дежурств на крыше. А страшные были тогда ночи, фашисты летали над центром города, били зенитки. Юля смотрела с крыши на подсвеченное пожарами небо и шептала про себя: «Только бы не сгорела библиотека... Стоит под государственной охраной, под государственной охраной, под государственной охраной...»

– А как вы жили дальше? – несмело спросила Капа, обеспокоенная внезапной немотой Юлии Ивановны.

– Дальше я была очень счастлива и была очень несчастна.

Она вновь умолкла, и Капа не решалась больше досаждать ей вопросами.

В памяти Юлии Ивановны возник читальный зал, оледеневший и пустынный. Когда закрывали библиотеку, она спросила Вадима – далеко ли ид-

ти? В тот вечер прогремело несколько огневых налетов. Он ходил в библиотеку с улицы Стачек. Сколько километров? Этого Вадим не знал, но помнил, что от Московского вокзала до Кировского завода нужно отшагать двадцать одну трамвайную остановку.

Вообще-то книги из читального зала на руки не выдаются, но Юля уприсит Ольгу Павловну, запишет книги на свое имя, и тогда он сможет отдохнуть от изнурительных и опасных хождений в библиотеку. Ради этого она готова видеться с ним реже.

– У вас есть возможность заниматься в казарме? – спросила Юля.

Он невесело вздохнул:

– Нет у меня такой возможности – не видеть вас, жить без вас.

– Два часа шагать под огнем вдоль безжизненных рельсов, – сказала она с тревогой.

– Разжалобил вас, Юленька?

– Да, пожалела вас, – сказала она с легким вызовом, – и не вас одного. Себя тоже пожалела. Устала за вас тревожиться...

Она проводит его к себе домой, это сравнительно близко. Комната ее на втором этаже, окно смотрит в узкий глубокий двор. Жильцов в квартире не осталось. Всю мебель сжечь не успели. В коридоре стоял комод без ящиков. Она растопит для Вадима печурку, чтобы он не замерз, а сама вернется в подвальное общежитие...

Печурка раскалилась докрасна. Оставались считанные минуты до ее ухода – вот-вот наступит комендантский час.

Юля неохотно и в то же время торопливо стала одеваться, не попадая в рукава. Вадим подошел к ней сзади и обнял. Как же случилось – вместо того чтобы помочь одеться, он снял с Юли шубейку, ласково и настойчиво отнял платок, и она не сопротивлялась?..

Вадим, не глядя в темное зеркало, при свете каганца побрился опасной бритвой, а Юля тем временем приделась.

Она была счастлива поделиться крохами, которые принесла ей продовольственная карточка, поделиться своими нищенскими запасами. А он огорчился, что не взял с собой пайка; лишь несколько глотков водки на дне фляги, пристегнутой к поясу.

Свой праздник они отметили пиршеством: гороховый суп с кусочками свиной кожи, пшенная каша прожарена на рыбьем жире до хрустящей корочки, желудевый кофе с карамельками.

Они о многом говорили, потом долго молчали, взаимно угадывая мысли и чувства; обоюдное и согласное молчание бывает дороже слов.

Она все сказала о себе в двух слезах, а он безмолвно ответил нежностью, которой должно хватить обоим на всю жизнь.

«Твоим дыханьем надыхаться...»

Стенные часы стояли безмолвно, но время не остановилось...

Проснулась Юля с веселым удивлением новому дню. Она верила, что грядущий день принесет ей радость, и боязливо прислушивалась к близким

разрываю. Дом отзывался легким сотрясением и дребезжанием стекол – в зашторенную оттаявшую комнату доносилось гремящее эхо войны.

Ей было менее страшно, чем вчера, и одновременно намного страшнее, потому что отныне она страшилась за них обоих.

Их встретило утро, такое же холодное, как вчера, но согревало предчувствие весны. Узкий двор, двор семиэтажного петербургского доходного дома, показался сегодня не таким сумрачным.

Свернули с Моховой и пошли по набережной. Зима присыпала Фонтанку снегом, а сейчас торосы черного льда таяли, мусор лежал на льдистой подстилке, вот-вот потонет в черной воде. От грязного ледника, огороженного чугунным парапетом, несло стужей, как это бывает даже поздней весной во время ледохода.

Вадим остановился, заботливо поправил на Юле платок и застегнул верхнюю пуговицу на шубейке. Всю дорогу он шел, не отпуская Юлиной руки, согревая ее в своей варежке.

Юля пыталась привыкнуть к тому, к чему за одно утро ей привыкнуть было невозможно, и все время возвращалась памятью к этой ночи, с ее счастливым страхом и нерассуждающей любовью, к ночи коротенькой и длинной, как жизнь, к ночи тревожной и в то же время забывшей обо всех опасностях, словно на крыше дома дежурили ангелы, во власти которых прекратить обстрел, бомбежку, погасить все зажигалки, ускорить приход весны.

При утреннем свете Аничков мост без коней Клодта показался Вадиму чужим. Юля глянула на его растерянное лицо и сказала, что всех четырех коней зарыли рядом, в саду за Дворцом пионеров.

Они неторопливо шли – две руки в одной варежке – по безгласному, в грязных сугробах, обезлюдевшему Невскому и зачем-то вспоминали, какого цвета лампочки были присвоены в мирное время тому или другому трамвайному маршруту. Весело светились когда-то на вечернем проспекте эти разноцветные огоньки.

Вадим вслух порадовался: слава аллаху, в их Ленинграде, несмотря ни на что, выжили все достопримечательности. Он, как недоучившийся архитектор, вдвойне счастлив тем, что нерушимо высится Александровская колонна, стоят на своих местах Адмиралтейство, Зимний дворец, Инженерный замок, собор Петропавловской крепости, памятники.

– И наша библиотека, – добавила Юля.

– И еще достопримечательность появилась в городе, – Вадим остановился, оглянулся назад, крепко прижал к себе Юлю.

– Мой дом? – догадалась она.

– Наш дом.

Весь день они были неразлучны, а перед вечером вместе вышли из библиотеки.

Они попрощались у Екатерининского сквера, неподалеку от памятника. Императрица и все ее фавориты не были обложены мешками с песком, обшиты досками и поэтому стали свидетелями их грустного расставания.

Вадим рассовал по карманам содержимое полевой сумки, снял ее и отдал Юле. В сумке осталась лишь фотография, которую попросила Юля: у входа в блиндаж стоит в ушанке и меховой телогрейке бородач, смутно похожий на Вадима...

Осенью Вадим приехал на три дня. Он нашел Юлю на старом месте; в августе вновь открыли общий читальный зал. Из зала вынесли разбитую мебель, убрали битое стекло, из оконных проемов вынули мешки с песком, намокшие за зиму. По-прежнему, как ни в чем не бывало, возле рабочего места Юли на стене висела табличка «Соблюдайте тишину», табличка подрагивала при далеких и близких разрывах.

Юля увидела на нем погоны старшего лейтенанта, его наградили орденом и партизанской медалью. В вещевом мешке тяжелел паек, и Юля не только обрадовалась, но и огорчилась, потому что поняла: сухари эти, и сахар, и кусок сала, и все остальное отнято от себя. Сам проговорился, что летом, когда они плутали в торфяных болотах, им на день выдавали сто двадцать пять граммов сухарей, двадцать граммов сахара и пакетик гречневого концентрата.

На этот раз он охотнее, чем прежде, рассказывал Юле о своем житье-бытье в Партизанском крае, о боевых делах отряда. Лихо обрушились они недавно на немецкую батарею – перестреляли прислугу, сняли оружейные замки, разбили оптические прицелы, а зоркую стереотрубу приволокли с собой. Теперь она служит верой и правдой командиру отряда, вся округа – как на ладони, Вадим с удовольствием рассказал о том, как они недавно обманули фашистов: выстроили в ряд на поляне крестьянские телеги, замаскировали их пятнистыми трофейными плащ-палатками, но при этом оставили на виду передки с колесами и задрали кверху по одной оглобле – чем не пушки? Девять «юнкерсов» усердно бомбили ту «батарею»!

Ранний октябрь стоял уж на дворе, дни, а тем более ночи, оскудели теплом, печурка в комнате Юли вновь ожила. На топку пошел кухонный шкаф для продуктов, давным-давно пустой, и кухонные полки, уставленные запыленной посудой...

Они опять прощались возле Екатерининского сквера, присыпанного пожухлой листвой. Как ни в чем не бывало, стояла под открытым небом Екатерина Великая, окруженная своими девятью фаворитами. В ранних сумерках не разберешь, кто из них Румянцев, кто Потемкин, кто Орлов. Вадим обратил внимание Юли, что Державин времени зря не теряет, читает вирши, а генералиссимус Суворов почему-то стоит на одной ноге. Как ни в чем не бывало, памятник окружали канделябры, каждый о четырех фонарях, давным-давно не зажигающихся.

Наконец-то подошла полуторка, заляпанная осенней грязью до верхушки кабины, – за Вадимом.

Большие глаза Юли были полны слез, и, чтобы не дать ей разрыдаться, Вадим, уже забравшись в кузов, перегнулся через борт и сказал с деланной веселостью:

- Передай привет учителю Александра Македонского.
- Кому? – не поняла Юля.
- Аристотелю, конечно...

После проводов Вадима она лишь однажды ночевала дома, а затем долго туда не заглядывала, снова ютилась в библиотечном подвале со своей группой самозащиты.

Юля чувствовала себя непереносимо одинокой в комнате, где все напоминало о Вадиме. Даже голые стены хранили память о нем – по стенам витала его тень, когда горел каганец на столе или бывала открыта дверца в печурке...

А потом во дворе дома разорвалась бомба. Всю зиму комната стояла с пробоиной в стене, занесенная снегом – будто рассеянная жиличка забыла закрыть на зиму балконную дверь. Стол посеколо осколками, дверцу платяного шкафа вдавило внутрь взрывной волной, стенные часы швырнуло на пол.

Юля записалась в дружину по спасению книжных ценностей в квартирах, где прежде жили академики, библиофилы, коллекционеры. Спасатели выносили найденные книги и рукописи через проломы в стенах, через окна, тащили на себе, везли на санках, в детских колясках. Проникали в обгоревшие, разбитые квартиры даже на самые верхние этажи. Вывозили в библиотеку редкие книги, ноты, рукописи из аварийных домов, которые могли обрушиться и были обречены на слом.

После Нового года на ее имя пришел аттестат, но письма при нем не было. Не успел Вадим отправить? Письмо заблудилось на партизанских стежках-дорожках?

Юля долго не имела вестей от Вадима. Знает ли он, что будет отцом, или не получил ее письма?

1 марта 1944 года по улице Стачек в город, с которого была снята блокада, вступили партизаны. Они шли за подводами, за санями, бородатые, с трофейным оружием, а кое-кто – в чужих угловатых касках, пестрых плащ-палатках. Тут же, после митинга, секретарь обкома прикалывал награжденным медали «Партизану Отечественной войны».

Юля долго бродила вдоль обоза неприкаянная. Из полевой сумки она достала фотографию Вадима, показала комиссару бригады, нескольким командирам, раненому, лежавшему на санях, ездовым – не знает ли кто Вадима в лицо? Пальцами, задубевшими на морозе, партизаны осторожно брали фотографию, но только пожимали плечами. Может, если бы Вадим не запустил показательную бороду, его узнали бы? Она и сама поначалу смотрела на него, как на незнакомого...

А вскоре Юля, придя вечером домой, нашла под дверью похоронную. Утром она удивилась, что не поседела, что лицо ее за ночь не покрылось морщинами.

Девочка родилась в последнее фронтовое лето и скрасила жизнь матери, которая, по словам Саввишны, «на всю жизнь пригорюнилась». Из родильного дома малютку перевели в ясли; все равно молока у матери не было

и надежды на то, что оно при такой голодовке появится, тоже не было, хотя Юлю прикрепили к столовой на углу Садовой и проспекта Майорова. Усиленное питание заключалось в том, что она получала скудный обед, но талоны в ее карточке не вырезали.

Город возвращался к жизни. Юля сводила маленькую Тришку к памятнику Петру Великому – она сама не видела его после того, как увезли мешки с песком, отбили доски, распаковали.

Юля гуляла с девочкой по набережной Невы и в который уже раз шептала про себя стихотворение Тютчева «Опять стою я над Невой»:

Во сне ль все это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

Возвращаясь домой, она внимательно, одного за другим, оглядела четырех коней Клодта, они заняли свои места на Аничковом мосту.

Прошло еще два года, и она пыталась объяснить маленькой Тришке – этот не одетый дяденька сумел обуздать строптивного коня! Липкий снег падал хлопьями и в тот день накинул на коня белую попону, а на дяденьку, который стоял на коленях и укрощал коня, – белый фартук.

Тришка, как все ленинградские дети, не побывавшие в эвакуации, не видела в младенчестве своем собак и долго пугалась лающих чудовищ.

Юля с волнением замечала, что дочка слегка картавит; одна Юля знала, что это у Тришки отцовское. От Вадима же – густые и длинные ресницы, они перешли потом по наследству и к ее внуку. Почему внук более походит на своего деда, чем его мать Тришка? На самом деле так похож, или в мальчике отчетливее, чем в девочке, проступало потаенное сходство?

После гибели Вадима много лет Юля не ходила в театр, в кино. А если после торжественного заседания устраивали концерт, она сразу же исчезала. И здесь ей помогла превозмочь себя Тришка! Она так просилась в Театр юных зрителей на Моховую; у ленинградских детей это называлось – «в гости к дедушке Брянцеву». Едва в ТЮЗе приоткрывался занавес, Тришка от волнения зажмурилась и в начале действия сидела с закрытыми глазами.

Все это Юля вспомнила молча, не заметила, что они уже свернули с Невского на Фонтанку.

– Да тебе же на вокзал, Капелька! – встрепенулась Юлия Ивановна.

Только отец, да и то редко, называл так Капу.

Под воскресенье Капа вновь провожала Юлию Ивановну, несла ее тяжелую сумку с книгами и продуктами. Дошли до парадного, и Юлия Ивановна напомнила – Капа хотела посоветоваться, куда подавать документы. В читальном зале для такого разговора нет времени – очередь, только успевай получать, выдавать книги...

Будь у Капы старший брат или сестра, ей, наверно, было бы легче выбрать профессию по душе.

А что касается отца, то он, пожалуй, вправе был считать себя неудачником, теперь Капа это понимала. Когда-то отец, видимо, без достаточных к тому оснований, поступил в художественное училище. И учился без успехов, и окончил с грехом пополам. На выставки его картины не брали, всегда находились недоброжелатели, хотя странно – откуда взялось злое единодушие у разных просмотровых комиссий, в разные годы и даже в разных городах? А кончилось тем, что отец стал малевать киноплакаты, которые вешали на брандмауэрах домов, на площадях, у вокзалов, при входе в парки; а еще рекламные щиты прибывали к заборам, которыми огораживали от уличной сутолоки строительные площадки. Из-за неудач отца Капа твердо решила не заниматься рисованием, живописью, хотя все годы ее не оставляла тяга к карандашу, к кисти.

Капа удивилась внезапной откровенности, с какой рассказала Юлии Ивановне об отце и матери.

После того как появился сожитель, мать, казалось, должна была подтянуться, приодеться, чтобы выглядеть более моложавой, а она, наоборот, обнеряшилась. Капа несколько раз говорила ей об этом. «Не учи меня жить!» – раздраженно отвечала мать.

Деньги на самые скромные завтраки и обеды, на кино в конце недели Капе брать теперь стало неприятно. Будто те, честные деньги, мамину зарплату, в доме уже пропили, а ей всучили нечистые деньги, получили калым с новоиспеченных абонентов. Страшно сказать, но Капа стала относиться к матери с легкой брезгливостью, впрочем тщательно скрываемой. Даже самой себе не хотелось признаваться в этом, а тут вдруг она исповедалась!

После чая Юлия Ивановна включила телевизор, транслировали концерт самодеятельности.

Нет, Капа не радуется, слушая певицу, лаборантку пищевого института, и не умиляется, что у нее отличный голос. По-видимому, жизнь не позволила ей всецело отдаться музыке.

– Мне эту лаборантку, Юлия Ивановна, всех жальче, – вздохнула Капа. – Чем выше премия, тем яснее, что погиб талант. Ее трагедия, что не поет в опере...

Пусть в самодеятельности выступают те, кто из-за недостатка способностей провалился на конкурсных экзаменах, или те, кого отсеяли из музыкального, балетного или циркового училища. И нечего радоваться тому, что лаборантка или водитель троллейбуса не занимаются безраздельно любимым искусством...

Никому, даже матери, маленькая Капа не признавалась, кем мечтает стать, когда вырастет. В далеком детстве она хотела расклеивать на улицах Ленинграда театральные афиши; хотела стать Конкордией Самойловой – она самая главная на кондитерской фабрике, поэтому и конфеты называли ее именем; хотела быть контролером в цирке; позже мечтала, как Людмила Савель-

ева в фильме «Война и мир», скакать верхом в красивой амазонке; хотела быть диктором телевидения, вести КВН и, конечно же, мечтала побывать в космосе, как Валентина Терешкова...

Капа снова заговорила об экзаменах. Если бы их проводили более разумно, если бы в ходе экзаменов удавалось выявить, есть или отсутствуют способности, черты характера, обязательные для той или другой профессии. В балетную школу не принимают же кривоногих, с плоскостопием, долговязых нескладех. В консерватории же нечего околачиваться без музыкального слуха. А иные норовят попасть туда, где стипендия побольше: студентам платят неодинаковые стипендии. Но разве у будущего врача или учительницы аппетит меньше, чем у будущего инженера?

Юлия Ивановна вспомнила свою Тришку: когда та поступала в медицинский, она и сомнений не знала. Тришка с детства мечтала лечить, в пионерском лагере и в школе ходила с красным крестом на рукаве.

Капа уже много слышала от Саввишны и Юлии Ивановны о Тришке, вглядывалась в ее фотографии над тахтой и ни о чем не расспрашивала. Симпатичный лейтенант-ракетчик с вымученной фотографом улыбкой и с непослушными вихрами – муж Тришки; голопузый ребяенок – их сын.

Юлия Ивановна рассказала, что Тришка живет как раз на полдороге между Норильском и портом Находка, оттуда три года скачи – ни до какого государства не доскачешь. Впрочем, присказка прозвучала в «Ревизоре» до того, как появились самолеты и ракеты стратегического назначения... Пелнапевал зятек Петро: «Увезу тебя я в тундру, увезу тебя я в тундру, увезу тебя одну...» – и в самом деле увез Тришку на край земли в вечную мерзлоту, то ли за Полярный круг, то ли малость до него не доезжая...

Капа не находила сходства между собой и Тришкой, но Юлия Ивановна настаивала на своем – обе слегка картавят, у обеих темно-русые волосы с рыжинкой. Она горячилась, – как же Капа не замечает сходства? – но забывала, что ни одной из этих примет фотографии передать не могли.

Хорошо помнит Юлия Ивановна и первый мирный год.

Еще светили тусклым светом синие лампочки на лестницах, в трамваях, еще многие рамы не были застеклены, и куски фанеры бельмами покрывали незрячие окна. Женщины еще ходили в ватниках, шинелях. Саввишна донашивала бушлат, который ей подарил сосед по квартире, старшина второй статьи: она тщательно драила пуговицы, блестел каждый якорек. Старушечья аккуратность или подчеркнутое уважение к морской форме?

В августе 1945 года из Мелекеса вернулись эвакуированные фонды. Семнадцать вагонов, набитых ящиками с книгами и рукописями.

После зимовок в неотапливаемом здании ящики с каталогами разбухли и с натугой выдвигались из шкафчиков. В дни блокады, когда каждая ступенька давалась с трудом и сил совсем не оставалось, лифт не работал. А сейчас, когда силы восстановились, лифт исправно доставлял книги в читальные залы. Пройдет еще немного времени, и с полок ежедневно, как до войны, будут снимать тысяч десять книг.

Студенты ходили с полевыми сумками, планшетами. Юля бегала в библиотечный институт с полевой сумкой, подаренной Вадимом. Каждый день она пробегала мимо больницы. Во время блокады там помещался госпиталь и висела табличка: «Прием раненых», а сейчас на двери вывели свежую надпись: «Прием больных».

Тришку перевели из яслей в детский сад, и она жила там с понедельника до субботы. Как все маленькие ленинградцы, она так осторожно клала в рот кусочки хлеба, словно боялась, что откусит себе палец. У Юлии Ивановны от блокады осталась привычка, и она перешла по наследству к дочке: обе после еды до глянца вытирали тарелки маленьким ломтиком хлеба.

Однажды мать пришла за Тришкой и услышала, как дети играют:

– Поклянись, Тришка, самой страшной клятвой...

– Чтоб мне хлебную карточку потерять! – Тришка подняла два пальца совсем как боярыня Морозова, которую везли на санях, в отрывном календаре...

Но время брало свое, карточки забывались, и в комнате звучал голос, который десять лет назад был бы воспринят как фантастический призыв из другой эпохи:

– Тришка, обедать! Суп стынет... Ну, сколько раз тебя звать?!

Юлия Ивановна охотно рассказывала Капе о дочери, видимо, сильно соскучилась. Капа от Саввишны знала, каким трудным было детство Тришки и сколько в те годы пережила Юлия Ивановна: «Всю молодость пила чай вприкуску со своим горем...»

А сегодня Юлия Ивановна вспоминала о Тришкином детстве только веселое.

Зашел однажды к ним управдом, лысый усатый дядька, а Тришка возьми да спроси у него: «Дядя Ваня, почему у тебя остальные волосы есть, а других нету?» Когда Тришка стала школьницей, то спросила вечером первого сентября, удивленная: «Разве завтра опять в школу? Зачем? Я там сегодня все видела...» Бедняжка, она не знала, что в школу поступают на десять лет... А когда Тришка научилась читать, то удивлялась, что Саввишна малограмотная. Всю жизнь живет в центре города, рядом с библиотекой и – малограмотная. «Согласно твоей теории, смеялась мать, – самые начитанные люди живут возле библиотек?» Когда Тришка читала первую главу из «Евгения Онегина», она покатывалась от смеха в двух местах: «Когда же черт возьмет тебя?» (взрослые не разрешают детям чертыхаться, а сами?) и «Месье прогнали со двора...».

– А почему вы Ирину зовете Тришкой?

– Прижилось... Наверно, потому, что всю ее одежду перешивала из своей. Много лет латала Тришкин кафтан...

Экзамены в школе Тришка сдавала в одном и том же платье, перед экзаменом клала под пятку пятак, чтобы принести домой пятерку. Вспомнилось, как Тришка впервые застеснялась пойти в летнем платье без лифчика. А когда, окончив школу, Тришка уезжала с матерью в дом отдыха в Репино,

вдруг забеспокоилась: «Мы уедем, мама, а вдруг придет письмо от Пети?» – «Почтальон подсунет под дверь». – «А если письмо будет толстое и не пройдет в щель?» Так мать поняла, что дочь влюбилась в Петю, курносого и вихрастого курсанта ракетного училища...

В тот вечер Капе совсем не хотелось возвращаться домой. Юлия Ивановна предложила переночевать у нее. Капа охотно осталась бы, но не предупредила домашних. И какой бы мнимой ни была тревога матери, утром Капа все равно услышит ругань.

Капа вновь застряла в городе допоздна. После библиотеки она пошла со Шкилетом в кино, сеанса ждали долго, картина двухсерийная, пока добралась от кинотеатра «Великан» до Московского вокзала – без пятнадцати минут двенадцать.

Ближайшая электричка уйдет в первом часу. Лампочки в вагоне горят вполне накала, печатные буквы разбираешь с трудом. Иные пассажиры, едва добравшись до вагонной скамейки, уже заснули. А в полночь без пяти минут с соседней платформы отправляется в Москву «Красная стрела».

Капа вышла из вагона, прошла платформу с табличкой «На Любань», свернула направо и миновала чугунную ограду, отделяющую суету пригородной электрички от размеренного, умеющего вести счет минутам предотъездного регламента курьерского поезда. Капа стала в стороне, придерживая пальцем замок своего портфеля, чтобы не открылся.

Смеются, целуются, плачут... Прощанья-расставанья... Вот и все, я звоню вам с вокзала, я спешу, извините меня...

Негры, японцы, нарумяненные старухи в брючных костюмах. На тележках – разноцветные чемоданы с наклейками. Светятся матовые номера вагонов. На проводницах форма с иголки – ну чем не железнодорожные стюардессы?

Мелькнуло удивительно знакомое лицо актера, много раз виденное на экране. Олег Стриженов? Волосы выгорели от перекиси, в руках модный плоский черный чемоданчик – весь багаж москвича.

Видимо, в самой внешности Капы, в том, как она разглядывала пассажиров, было что-то не соответствующее «Красной стреле», потому что величественный милиционер глянул на нее наметанным глазом и сказал:

– Гражданочка, проходите по своим делам. Ничего интересного здесь показывать не будут.

Радиодиктор попросил провожающих покинуть вагоны, на нескольких языках прозвучало пожелание счастливого пути, включили бравурную музыку.

Плавно тронулся поезд.

Вот бы прыгнуть на движущуюся ступеньку и уехать, куда семафоры и глаза глядят! Все равно куда, лишь бы подальше, туда, где железная дорога не делится на зоны, как в пригородах, и куда мчатся такие заманчивые, нарядные поезда.

Прошествовал мимо щеголеватый, молодеватый милиционер.

Капа вдруг встревожилась – возвращается в поселок одна, в такую поздноту, а у них появились хулиганы. Кто-то додумался – выпускают после тюрьмы хулиганов без права жительства в Ленинграде. А почему пригороды должны страдать от этих бывших ленинградцев? У них в поселке и фонарей, и милиционеров меньше, чем в городе. Кто же приструнит хулиганов в случае надобности?

Она проводила взглядом хвостовые огни «Красной стрелы» и заторопилась на свою платформу, к своей электричке.

Лампочки в вагоне уже светили ярко-ярко; минута-другая – электричка дернулась с места, и вагон зажил суетной дорожной жизнью.

На первой же пригородной платформе шумной ватагой ввалились работницы; кончилась вторая смена на ткацкой фабрике. В вагоне сразу сделалось теснее, оживленнее. Крутильщицы после работы не умеют тихо разговаривать, орут, как в цехе, когда им нужно перекричать веретенный гул. Атмосфера веселого товарищества согрела Капу, она позавидовала соседкам: у них хорошее настроение, они не терзаются сомнениями – в какой институт поступать. Впрочем, иные из них учатся заочно в текстильном техникуме, институте – это Капа знает.

Позади осталось Колпино. За окном потянулись места, когда-то надолго разрубленные линией фронта. Березы, осины такие же пышно-зеленые, как повсюду, но с обглоданными, уродливыми макушками – деревья покaleчили снарядами еще лет тридцать назад, им суждено до старости стоять инвалидами...

На скамейке по соседству с Капой ехала супружеская пара. Электричка еще не успела отойти от Московского вокзала, как жена громко, на весь вагон, принялась командовать мужем: «Сядь сюда», «Повесь авоську туда», «Сними плащ», «Открой окно»... А после того они длинную дорогу ехали рядом, ни слова не проронив и ни разу не взглянув один на другого. Разве так можно жить на белом свете? Такими же скучными бывали мать и ее сожитель, когда он ехал совсем трезвый...

Две скамейки по ту сторону прохода заняли картежники. Играют, чтобы убить время в дороге, но иные – с испуганным азартом. Это не подкидной дурак, а «шамайка». Шамайкой называют шестерку треф, в этой игре она самая старшая.

Напротив у окна беспробудно спал какой-то подвыпивший мужчина, которого Капа уже не раз видела «под градусом». Заснул он в предотъездной полутьме и не проснулся от яркого света. На какой станции ему выходить? Жаль человека, проедет свою станцию, когда-то еще ночью пойдет – и пойдет ли – обратный поезд...

– Вам где сходить? – Капа сделала робкую попытку его растормошить.

– Васильевский остров, Восьмая линия, – пробормотал он.

– Да это же электричка, а не троллейбус!

– Тогда могу сойти на Шестнадцатой линии, – миролюбиво согласился он и снова заснул.

Над пьяным посмеялись, но Капу он не рассмешил.

«А я разве знаю, где мне выходить? Куда податься?!» – Она рассердилась на себя за девчоночью нерешительность.

Белые ночи не кончились, но от того не менее боязно идти со станции домой через весь поселок. В кромешной темноте даже спокойнее: по крайней мере, никто тебя не видит, а дорогу Капа знает, пройдет и с закрытыми глазами...

За утренним чаем мать завела порядком надоевший разговор.

– В конце концов, поступай куда угодно, только не в кассирши, считать и пересчитывать чужие деньги, – мать взялась за край клеенки и начала быстро перебирать ее пальцами, будто отсчитывала деньги из пачки. – Беспечность из-за чужих денег, а самой получать гроши...

Отчим отдавал предпочтение двум профессиям: зубного техника и мастера по ремонту холодильников:

– Пока население мучается зубной болью, пока рвут зубы – без протезов населению не прожить. При таком ремесле у тебя всегда останется золотишко на молочишко... Или поступай по холодильному делу. Но институт не кончай, а то попадешь под распределение куда-нибудь в Кандалакшу, к черту на кулички. Ну на кой тебе этот диплом? Эдак с третьего курса уйдешь и устроишься в мастерскую по ремонту холодильников. Населению не хочется, чтобы тухла рыба или скисало молоко. А гарантийный ремонт гарантирует тебе заработок на всю жизнь.

Капа терпеливо выслушала советы и еще сильнее затосковала по студенческому общежитию. При выборе недоходной специальности ее ждут дома ежедневные попреки.

И с неожиданной для себя твердостью заявила:

– Опоздали ваши советы. Поступаю на библиотечный факультет. – Капа встала, подчеркнув свою решимость.

На следующее утро она поехала к Юлии Ивановне, которая вернулась с Фонтанки на старое место, в главный читальный зал Публичной библиотеки.

Пропуск для Капы лежал, как было условлено, на контроле.

Капа сказала о своем решении, Юлия Ивановна просияла, вышла из-за барьера, заставленного книгами, и молча поцеловала Капу.

– Мне бы только общежитие...

– Можешь пока жить у меня. Сэкономишь три часа в день на поездках.

Счастливая Капа повисла на шее у Юлии Ивановны.

– Я не три часа выгадаю... – Сколько же?

– Все двадцать четыре, – очень серьезно сказала Капа.

– После Нового года я уйду на пенсию. Поеду к внуку в вечную мерзлоту. Не меньше чем на полгода. Хочу поработать бабушкой.

С каким удовольствием она понынчится с ребятенком! Поймет ли Капа, если ей сказать, что в хлопотах о внуке она с опозданием на четверть века чувствует себя молодой матерью? В свое время ясли и детский сад лишили ее многих желанных забот.

Она собирается на «бабушкины гастроли». Зять служит в таких войсках, что Тришка с сынишкой обречены на кочевой образ жизни в лесной глухомани, в таежной нежити или среди пустынных сопок.

А с Капой познакомилась Юлия Ивановна лишь потому, что в этом году отказалась от отпуска и заменила сотрудницу на Фонтанке: повысится годовой заработок, и будущая пенсия увеличится на несколько рублей.

Юлия Ивановна обещала похлопотать в дирекции, слышала, что требуются младшие библиотекари. Если Капу примут, она успеет поработать под присмотром Юлии Ивановны. Ну, а что касается института, она советует Капельке поступить тогда на вечернее отделение.

– Буду находиться теперь под охраной государства, – улыбнулась Капа.

Войдя назавтра в читальный зал, Капа уже по-хозяйски прислушалась к шелесту страниц, а на Саввишну и Аристотеля поглядывала как на своих сослуживцев.

1972

Воробьев Е. З. Шелест страниц // Избр. произведения. – Москва, 1983. – Т. 1. – С. 364–396.